

Любовь Арбачакова

Родилась 1 мая 1963 года в деревне Анзасс Таштагольского района Кемеровской области. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт, аспирантуру Института Филологии СО РАН.

Член Союза писателей России с 1997 года.

Член Союза художников России с 2005 года.

Ученый-фольклорист, кандидат филологических наук, опубликовала ряд исследований по шорскому народному творчеству: «Текстология шорского героического эпоса» (Новосибирск: «Наука», 2000); «Шаманы Горной Шории» (Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 2004).

Старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск).

С 2000 по 2003 год руководила Шорской национальной писательской организацией.

Автор нескольких книг стихотворений на шорском и русском языках, публикуется в центральных и региональ-

ных изданиях: в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Литературный Кузбасс», в альманахах «Кузнецкая крепость», «Кай».

Регулярно проводит выставки своих живописных и графических работ (в городах Кузбасса, в Новосибирске, в Москве, в Германии).

Часто выступает перед аудиторией в школах и библиотеках.

Живёт в городе Междуреченске.

Любовь Никитовна Арбачакова – признанный деятель шорской культуры в России. Без её творчества невозможно представить себе шорскую литературу и современную лирику Кузбасса, а также изобразительное искусство шорского народа.

Награждена медалями:

«За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро».

В 2019 году вышла в свет новая книга Л.Н. Арбачаковой «Затерялась я во вселенной» (Кемерово: ООО «Технопринт»; 168 стр. с иллюстрациями).

Это сборник избранных стихов кузбасской поэтессы на русском и шорском языках.

В качестве предисловия в книге – художественно-документальный очерк автора о своём детстве.

Моё незабываемое детство

Я РОДИЛАСЬ И ВЫРОСЛА в деревне Анзасс (Онзес) из пяти домов, где мы жили без электричества и других благ цивилизации. Однако любовались белоснежно-ослепительной зимой, весенними полянами с разноцветьем и пением птиц, тёплым летом с ароматами лесных трав, золотой осенью со спелыми ягодами черёмухи, рябины. Мы росли среди скромных и работающих людей, которые научили меня трудолюбию...

Анзасс, окруженный высокими горами-защитниками, представлялся мне вечным домом, храмом, космосом. Но, увы, ныне Анзасса нет, да Чилиссу-Анзасс (районный центр) уже умирает. А тогда он мне казался огромным – с сельсоветом, магазинами, школой-интернатом, клубом, а главное, с электричеством, пусть оно и подавалось лишь в вечерние часы.

За годы наше семейство разрослось: четыре брата и три сестры. Я родилась четвертой (средней): у меня было два старших брата и два

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА ЖИЗНИ

младших; одна старшая сестра и младшая. Перед самым младшим из нас, Сергеем, появился восьмой ребёнок – Оля, к несчастью, умершая, кажется от простуды, в три месяца...

Сегодня нас осталось трое: брат, я и сестра Октябрина.

По воспоминаниям мамы, перед моим рождением она видела во сне красивые платки с цветочными узорами и предрекла мне богатую жизнь. Сейчас мне кажется, то красочное её сновидение означало моё будущее художника. Возможно, я ошибаюсь... Она о каждом из нас перед родами видела сны, по которым пыталась предсказать нашу судьбу. Мама рассказывала, что в день моего рождения папа на рассвете принял меня, а потом пошёл в стайку, где нашёл новорождённого жеребёнка, мы с ним появились на свет одновременно. К сожалению, жизнь его оказалась много короче моей.

Но с другой лошастью, по кличке Красотка, я вместе выросла: пока родители косили сено, я на ней сидела, а она щипала траву, с ней мы возили копнами сено, дрова. На ней я не раз ездила в Чилиссинский магазин, а в конце августа провожала то брата, то сестру до Кичей, чтобы они могли дальше по грунтовой дороге добраться до города Таштагола. Если везло, то путников подбирала попутная машина, а иногда приходилось идти пешком.

Лошадь – умное животное, я свою Красотку считала подругой: с ней разговаривала, пела ей песни, угощала солью... Летом животные вольно паслись, а кони изредка появлялись в деревне – становилось празднично! Мы, дети, выходили на улицу и любовались ими. Они были разномастными: наша гнедая с белой звёздочкой на лбу, у соседа Николая – вороной, у другого – серая в яблоках, у третьего – светло-рыжей масти...

Я родилась в старом доме, а к рождению брата Юры, появившегося через два года после меня, построили новый дом. Вот в нём мы почти все дети и выросли. Он был, по моим восприятиям, самым большим и красивым из всех домов! Ведь в то время в нашей деревне окон с голубыми наличниками и шиферной крышей не существовало. Видно, папа, часто посещавший Таштагол, строил его на городской манер.

Двухкомнатный дом был обставлен современными предметами быта: в первой комнате висели большие часы, был и буфет ручной работы. Ещё мне запомнился великолепный петух, ярко вышитый мамой нитками мулине. Здесь же рядом с печью стояла железная кровать, где мы спали по три-четыре человека. Во второй комнате стояли диван, этажерка, сделанная руками отца, зеркало, круглый стол. В дальнем углу была кровать родителей, а напротив неё – наа-койка (новая кровать), в которой никто не спал, так как там хранилось наше приданое – аккуратно сложенные ватные, шерстяные, стёганые одеяла. Иногда мама показывала нам уголок какого-нибудь из них и говорила, кому оно предназначено. Обычно до меня очередь не доходила! Я с её мнением не

была согласна, так как в её отсутствие давно уже выбрала себе самое красивое и мягкое, из верблюжьей шерсти, одеяло, обещанное старшему – Борису.

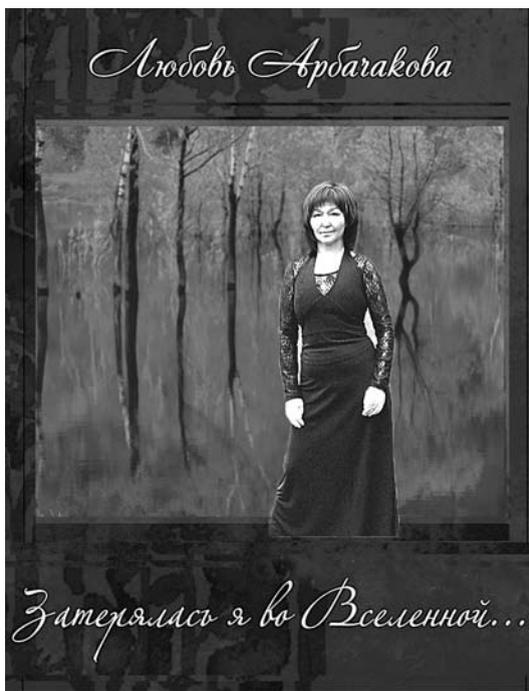
Ещё вспоминается волшебный сундук, он всегда держался на замке. Изредка, в отсутствие папы, мама открывала и показывала нам его содержимое: документы, деньги, а самое интересное для меня – разноцветные платки, ткани, красивые платья, юбки, бусы... Сундук для нас – табу! Его самостоятельно не открывали, да и ключей мы никогда не видели, они где-то надёжно прятались.

В нашем доме имелось ещё одно запретное для нас помещение – кладовка! Там держали не только продукты: мясо сушёное, талкан, мешки с сахаром, мукой, ящики с лапшой – там находилось дедовское охотничье снаряжение: ружьё, лыжи, подбитые мехом, кожаная обувь, самодельные сумки для пороха и пуль, ножны, а также кресало и огниво. Нам было безумно интересно всё это потрогать. В обуви лежала мягкая сухая трава озагат, я любила её оттуда вытаскивать.

Хоть я и не увидела дедушку и бабушку, папных родителей (они умерли задолго до моего появления – где-то в середине пятидесятих годов), но через эти вещи чувствовала какую-то связь с ними.

Дед по материнской линии не вернулся с войны, а бабушки не стало в начале семидесятых. Я её помню, хотя она практически не принимала никакого участия в нашем воспитании, так как жила примерно в 14 километрах от нашей деревни.

Наш дом был ещё интересен чердаком. Летом старшие дети там спали, а маленькие не допускались. Зато мы отрывались по полной в отсутствие взрослых: бегали по чердаку, играли в прятки. Как помню, у основания трубы стояли женские и мужские фигурки, размером около 15 см., сшитые из холста, глазки были из чёрного бисера. Потемневшая от времени и жирного угощения ткань на куклах выглядела непривлекательно, всё же однажды они исчезли оттуда. Позже я узнала, что это были хранители домашнего очага и защищали от потусторонних, опасных сил.

В то время наш дом славился ещё одной диковинкой – радио. Иногда под русские народные песни, под голос Людмилы Зыкиной, звучавший из того радио-чуда, я засыпала и просыпалась. Они производили на меня необъяснимое воздействие, я долго лежала, наслаждаясь этими прекрасными песнями.

МАМА БЫЛА НЕГРАМОТНОЙ, многолетней домохозяйкой, она с трудом расписывалась при получении детского пособия. Папа тоже имел лишь начальное образование, однако был энергичным, работающим, но, увы, безработным. Когда в деревне Белка, что находилась в 5 километрах от нашей, появлялись геологи, он устраивался разнорабочим в их геологоразведочную партию на временную работу. Тогда ему приходилось ежедневно бегать по утрам в эту деревню, а после работы, возвращаться вечером.

Так он работал, может быть, месяца 2-3, а в остальное время мы жили на то, что могли добыть собственным тяжёлым трудом. Семья была большая, поэтому мы держали и большое хозяйство: 1-2 лошади, жеребята, 3-4 коровы, телята, овцы, иногда у нас водились поросята, куры. По воспоминаниям сестры Октябрины, кур всех перебили после того, как они стали нестись мелкими яйцами, а это считалось плохим знаком.

Таким образом, чтобы прокормить столько ртов, нам приходилось всем много работать летом. В двух километрах от дома сеяли ячмень, из которого готовили вкусный талкан. Им лакомились в тяжёлое сенокосное время. Покос длился месяц или полтора: с конца июня до начала августа. В свободное от покоса время носили воду из речки, доили коров, кормили телят. В общем, домашней работы – уйма!

В конце августа по сентябрь мы били шишки в родовых угодьях, доставшихся нам по наследству от деда. В стане папа выбирал самый раскидистый кедр, под которым мы устраивались на ночлег. Постелью нам служили еловые лапы и папоротник, а рядом было место, куда высыпали собранные шишки. Папа и мои братья уходили сбивать шишки, а мы с мамой шулушили их вручную при помощи двух ребристых досок (паспак, паспак палазы), а затем провеивали. Домой увозили «грязный» орех, который ещё раз обязательно перекидывали длинной лопаткой-курчек, чтобы он стал «чистым»... Тяжёлый и опасный труд (один наш дальний родственник погиб, упав с высокой кедр).

Орехи папа иногда отвозил в город и продавал, а чаще за копейки сдавал в Чилиссинский магазин, где хозяйничали бывалые приёмщики. Иногда он охотился, дома всегда имелось несколько шкурок норок и белок. На выручен-

ные деньги покупалась одежда, необходимая для холодной зимы: фуфайки, валенки, мужские шапки или тёплые платки. Рукавицы и носки вязала мама из овечьей шерсти.

Весной мы готовили дрова на зиму: пилили двуручной пилой, кололи, а затем складывали в поленицы. Эти дрова летом не трогали, для топлива в летней кухне-одаг использовался хворост. В избе в месте очага стоял треножник, на котором в чугунок варилась еда, а в казане мы жарили ячмень.

За хворостом ходили в лес по несколько человек. Там, собрав сушняк, перевязывали его веревкой и, с трудом поднимая, несли его на спине домой. До сих пор остались неприятные чувства от сухих колючих ветвей, которые впивались в спину.

Однажды мы с сестрой стали виновниками пожара в одаге. Папа с мамой ушли на покос, а в летней кухне оставили вялить мясо. Нам наказали поддерживать небольшой огонёк. Стояла жаркая погода, мы набросали в костёр побольше дров и убежали на речку искупаться. Видимо, увлеклись, а когда шли назад, увидели большой пожар, доносились шум и крики деревенских. Люди бегали за водой на речку и тушили пылающую избушку. К удивлению, им удалось погасить огромный пламя, не дав избе сгореть дотла. Она, пока не развалилась, так и простояла обугленная...

Ох, и досталось нам в тот день от папы! Вся моя спина была исполосована тонкими сырыми ивовыми прутьями. Я тогда долго лежала, уткнувшись в колени мамы, и рыдала, а она гладила меня по голове и тихо плакала.

Летом, после сенокоса, нас иногда отпускали на речку Пызасс, протекающую в 4 километрах от нашей деревни: она была крупнее и теплее нашего Анзасса и там можно половить вилкой мелких рыбок, ленивых широкоголовок (подкаменщиков), а если везло – шустрых усачей. От всего этого мы были на седьмом небе: от души накупавшись, к вечеру с полным бидоном рыбёшек возвращались домой уставшие, но счастливые.

Мама радовалась нашей добыче и, почистив рыбок, либо жарила, либо варила суп-тутпаш. Лапша готовилась из теста в виде мелких галушек. Папа не любил мелкую рыбу, презрительно говорил: «Эта еда для бедняков!». Ему не нравился и суп из молочных продуктов (молока, простокваши). Он признавал супы и другие блюда исключительно из домашнего мяса или дичи.

ВООБЩЕ, ПАПА БЫЛ НЕПРОСТЫМ человеком: с одной стороны, жёстким, а с другой – добрым. В отличие от мамы, вовсе неграмотной, он получил 2 класса образования и умел читать. В нашем сундуке хранилась

героверская книга об Одиссее и его приключениях, как семейная реликвия. Оказывается, он прочитал её маме, и они приняли всё это за чистую монету. Ведь эта была единственная книга, которую они прочитали за всю жизнь!

Выпив, папа любил говорить про себя: «Мен (я) китроумный Адиссей!»... Ещё он где-то нахватался немецких слов и в состоянии опьянения щеголял: «апидерзейн, коден таг!». Немецкое «гутен таг», он произносил по-шорски, где слово гутен превратилось в коден (задница) – смешно!

В первой комнате висел папин пиджак, а в кармане лежали: записная книжка (там он вёл письменный учёт деньгам, вырученным от продажи орехов, масла), ручка, носовой платок и ...зеркальце. Он себя любил: вручную выщипывал себе бородёнку, усы, а когда стали появляться седые волосы, то и их заодно щадно выдёргивал.

Однажды, когда брат Борис уехал учиться в политехнический институт, он написал ему единственное письмо. Оно до сих пор хранится у брата.

Письмо писалось красивым, витиеватым почерком (высоким стилем), где он к своему сыну обращается только на «Вы»: Начиналось оно так: «Здравствуйте, уважаемый Борис Никитович! Пишет Вам Ваш отец Тудегешев Никита Васильевич»...

Это обращение выглядело нелепо, ведь в жизни он нас всех шпынял, считал недоумками, лентяями, ни к чему не приспособленными людьми и обязательно всех наделял прозвищами: меня называл «казак».

В детстве я была рыжеволосой, конопатой (с моей рыжей косичкой мы играли с сестрой). Когда папа меня так называл, мама всегда в сторонке плакала, ведь он грубо намекал на то, что я родилась от русского, что она меня с кем-то нагуляла...

Страшным ревнивцем был – о нём все в округе знали, жалели нас, маму, но побаивались его. А я плакала и обижалась на прозвище, потому что мне не хотелось быть «белой вороной».

МАМА НЕСМОТРЯ НА СВОЮ тяжёлую, унижительную жизнь, была весёлой, работающей, но очень запуганной, забитой, всегда с синяками... Мама рассказывала, что папа её украл, когда ей исполнилось шестнадцать лет.

Она иногда вспоминала своё трудное детство: они с младшей сестрой (тётей Катей) росли без отца, часто оставались голодными, холодными. Зимой, за неимением теплой одежды, они никуда не выходили. У мамы было одно платье, сшитое из мешковины. К сожалению, в то военное и послевоенное время многим жилось нелегко.

Моя мама хоть и была неграмотной, но была глубоко верующим человеком. Пасху ждали и встречали как самый большой праздник, к которому мама тщательно готовилась: прибиралась в доме, белила печку, стирала занавески, пекала булочки. Это был единственный день в году, который воспринимался мамой и нами, как праздник. В нашей семье, да и у любого в деревне, не отмечались дни рождения и все другие праздники. Она учила нас православным молитвам, но с шорским акцентом, и нам, не знающим хорошо русский язык, трудно было понять и запомнить их.

Мама умерла рано, в 43 года, а мне она казалась старушкой: вечно в одном и том же изношенном платье, в старом платке, никогда не сидящей без дела. Да и с нами было много хлопот.

С ДЕТСТВА У МЕНЯ ОСТАЛИСЬ приятные воспоминания об одной колоритной шаманке-соседке. Она по просьбе отца иногда приходила к нам для проведения обряда или просто посидеть. Шаманка курила из самодельной трубки. До сих пор запах махорки, табачный дым ассоциируются с этой бабушкой, так как папа не курил, а этот специфический аромат был для меня необычным.

Одевалась она не как все: платье на ней было национальное, зелёное, длинное, с геометрическим орнаментом по низу, а на шее много-много разноцветных бус из мелкого и крупного бисера. Ещё я помню её длинные сережки – ручной работы, с мелкими бусинами и монетами.

Она садилась, набивала трубку и, попыхивая ею, общалась с родителями. Если шаманка начинала камлать, то нас выпроваживали из дома, так как мы начинали смеяться, баловаться и, видимо, мешали проводить обряд.

Вдруг по деревне прошёл слух, что эта шаманка ушла в лес и не вернулась. Около недели её сын, опытный охотник, и все другие мужчины искали её в тайге. Но, увы, нашлись только её сапоги, аккуратно поставленные, а она сама исчезла. По-видимому, как коты или собаки, почуявшие близкую смерть, уходят из дома, так и эта бабушка-шаманка ушла умирать в тайгу.

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ в Чилиссу-Анзасской восьмилетней школе-интернате №32. Уходили на неделю, жили в интернате, а в субботу возвращались домой, в воскресенье шли назад в школу. Родители никогда не провожали нас. Иногда, если приезжали за продуктами, то забирали нас. Когда мы уходили в школу, мама не прощалась с нами, не целовала – выходила следом и, стоя у ворот, утирала слезы.

Так продолжалось все 8 лет.

Несколько слов об интернате. Для проживания школьников из других сёл напротив школы стояло здание для девочек, через дорогу – для мальчиков, а столовая была расположена между ними.

Позже мы узнали, что в военное время наше девичье помещение служило больницей для больных сифилисом.

В нём было более 10 комнат, в коридоре стоял бак с водой, имелась умывальная комната, а туалет располагался отдельно, на горе. В комнатах мы жили по 3-4 человека, печь топилась только зимой. Старшие к 1-му сентября приходили пораньше, чтобы занять комнату получше. Дежурные убрали помещения по очереди: вытирали пыль и мыли пол холодной водой из речки. По утрам самые достойные из учеников проверяли, насколько аккуратно были заправлены наши постели. Порядок и чистота оценивались по пятибальной шкале.

Вечером приходили учителя-воспитатели и с трудом укладывали нас в постель: нам хотелось ещё побегать на улице, пообщаться с одноклассниками.

В ПЕРВЫЙ РАЗ меня собирали в школу с большим скандалом. Сестра Октябриня решила «выбить» из меня слово нана (видимо, от няня), она хотела, чтобы я обращалась к ней только по имени. Но оно так трудно выговаривалось! Мне пришлось повторять его по десять раз. Я плакала-рыдала, но, в конце концов, научилась произносить ненавистное слово, и меня старшие взяли с собой в школу.

В первом классе я была на равных со всеми: так же, как и я, никто не говорил по-русски, за исключением белокурого, голубоглазого мальчика Бориса – сына учительницы. Позже, когда мы освоились, все по очереди могли прикоснуться к его кучерявым, светлым волосам.

Когда мы пришли на первый урок, то все сидели тихо. Лишь один мальчик нас удивил: когда его завели в класс, он так вырывался и дико кричал! Это продолжалось около месяца. Старшая сестра его приводила, садилась с ним рядом, а он продолжал вырываться. Иногда ему всё же удавалось сбегать в свою деревню, она находилась недалеко, всего в четырех километрах. Но его приводили назад.

Мне нравилось быть среди своих одноклассников. Вспоминаю букварь... Когда я открыла его в первый раз, испугалась, увидев на обороте обложки лысого человека (позже выяснилось, что это – вождь Ленин), быстро закрыла книгу. Перелистывая страницы, я находила красивые рисунки с детьми, животными, игрушками, цветами и любовалась ими.

В первое время я не хотела жить в интернате и учиться. Всё мне казалось чуждым и непонятным. В школе нам запрещали говорить на

родном языке, видимо, для того, чтобы мы хорошо усвоили русский язык. Мы не понимали, зачем нас принимают в октябрята – никто нам этого не объяснял.

Однако через некоторое время все втянулись в школьный процесс, нам даже стало нравиться чем-то похвастаться друг перед другом. Тогда и до наших ушей дошли вести о коммунизме. Мне особенно запомнилось то, что при коммунизме все будут жить хорошо, а главное, можно будет прийти в любой магазин и взять всё, что пожелаешь. Это стало пределом моей мечты: я ходила в местную лавку и высматривала себе вещи. Думала: «Скорей бы коммунизм построили!».

А в реальной жизни мне приходилось иногда собирать пустые бутылки из-под алкоголя, а затем в магазине приставать к взрослым, чтобы они сдали их, отдав мне честно заработанные 20 копеек. Если удавалось прокрутить эту афёру, то наступал рай: мы с подружкой покупали сгущённое молоко, находили гвоздь, дырявили банку и высасывали из неё содержимое. Это всё мы проделывали не на людях, а на полянке, подальше от вечно голодных сверстников.

Строгая, аккуратная, опрятно одетая продавщица тётя Рая никогда не принимала от детворы бутылки, ругала нас, если видела, что мы долго околачиваемся в магазине, иногда выпроваживала за дверь. Мы знали, что она добрая, уважали её и никогда не видели пьяной. Для меня стало шоком сообщение, что она по пьянке, крепко поругавшись с мужем, отравилась. Мне-то казалось, что у них в семье всё в порядке.

Прошу прощения, я отошла от темы.

В картинках букваря мне особенно нравились красивые девочки в цветных платьях и туфельках. У нас-то из обуви имелись только зимние валенки и кирзовые или резиновые чёрные сапоги, демисезонной летне-весенней обувью нас не баловали. Летом бегали босиком – хорошо, если не наступали на стёкла!

МНЕ СТАЛО ИНТЕРЕСНО находиться в школе, играть с ровесницами. У меня была подружка Нэлла, которую я знала ещё до школы. Она приезжала из другой деревни к своему дяде. Красавица Нэлла росла смелой, боевой, и её постоянно задирали мальчишки. Она бойко вступала с ними в перепалку и даже дралась (к сожалению, она и умерла молодой, тоже в драке), а я стояла рядом и думала: «заступиться, не заступиться?». Но всегда оказывалось, что моя помощь ей не нужна. Я была чуть мельче своей подруги и худее.

В один прекрасный день я поняла, почему меня не обижают! Как-то шпана в очередной раз стала её доставать, и кто-то заодно пнул

меня, а другой закрывал на него: «Ты чё, получишь от Стёпы!»). Всё было просто: у меня были братья-заступники, а с нею росли только младший брат и старшая сестра. Так что школьное детство моё прошло в кругу ровесников относительно спокойно – спасибо моим старшим братьям!

Но однажды мне всё-таки пришлось постоять за себя.

Как правило, в интернате на обед нас зазывали по очереди: то младших (1-4 классы), то взрослых (5-8 классы). Приходили дежурные по столовой и громко кричали: «Мальши, кушать!». Или: «Взрослые, кушать!».

Так мы бежали в столовую. У дверей обязательно ещё несколько минут нужно было томиться. Наконец-то они открывались – и мы наперегонки бежали занимать себе место. Бывало так, что опоздавшим не доставалось чего-нибудь из вкусного. А это очень обидно!

Так вот, мы толпились у дверей, я оказалась первой, а рядом со мной – одноклассник Герман, вечно сопливый, молчун. И тут он стал меня грубо отталкивать, а я упиралась. Однако, когда он стал меня бить, деваться было некуда: я поняла, что этот нахал не боится моих братьев. Пришлось самой постоять за себя. Когда мы схватились с ним за гривки, все расступились. Я-то втайне желала, чтобы нас разняли, но никто и не думал делать этого. Бились до конца: он мне расцарапал лицо, я – ему!

Я оказалась крепким орешком, меня не так-то просто было пихнуть или побить. Ведь у меня имелся семейный опыт драки с сестрой, братьями. Из меня очень трудно было выжить слезу. Я первая дождалась его слёз, а затем сама, (на всякий случай, чтобы мне не досталось от кого-нибудь из старших), стала лить слёзы. В тот момент я почувствовала гордость за себя.

ДРУГОЙ ЭПИЗОД, случившийся в детстве, познакомил меня с неизвестным чувством – если не предательства, то отчаяния.

Однажды в морозный день мы с подружкой поехали верхом на коне, на моей любимой Красотке, домой. Не помню, почему лошадь оказалась в Чилиссе, а мне наказали непременно доставить её домой. Вдруг через 4-5 километров лошадь оступилась и провалилась в глубокий снег. Мы соскочили, и я стала дергать её за узду. Дёргала-дёргала – не поднимается, лежит в сугробе по грудь. А к вечеру мороз стал крепчать. Мы с Нэллой пытались поднять Красотку, а потом заплакали, так как не знали, что делать дальше. Рядом ни души, до нашей деревни еще километров 6–7, мы страшно замерзли.

Я знала, что коня нельзя оставлять, а подружка поплакала-поплакала да и сбежала на-

зад в Чилиссе, несмотря на моё бедственное положение. Я восприняла это как предательство близкого человека.

Оказавшись наедине с лошадьёю, я взяла большую хворостину и стала бить Красотку по спине (до сих пор сожалею о том, что мне пришлось применить силу к моей любимице, но это было сделано ради наших жизней). И – о, чудо! Она вырвалась из обледеневшего снега, который начинал уже её сковывать! Я села на коня и доехала до дома.

Это была моя маленькая победа! Но горечь от поступка моей подружки, бросившей меня в трудную минуту, осталась навсегда, хотя я и словом не упрекнула свою Нэллу.

НАДО ОТМЕТИТЬ, что наш класс успеваемостью не отличался: были только троечники и двоечники. Меня часто ругали учителя, ставя в пример то сестру, то брата – хорошистов. Я не обижалась – с меня, как с гуся вода! На то время почти всё устраивало меня: прекрасная природа, одноклассники, с которыми по вечерам бегали в сельский клуб на танцы: там крутили пластинки, а мы, «детский сад», энергично пританцовывали.

Единственно, с чем я не смогла смириться, – это с побоями отцом моей мамы. Это самое горькое в моей жизни, об этом до сих пор не могу писать без слёз...

Каждый учебный день начинался с проверки домашнего задания. Нас вызывали либо к доске, либо с места отвечать на вопросы, заданные на дом. А спрашивать-то и некого: класс наш состоял из молчунов. Учителя читали нам нотации, но куда деваться – объясняли новую тему... И так продолжалось изо дня в день. Хотя – нет. Иногда кто-нибудь хоть что-то да говорил...

Мы все боялись завуча школы Зои Куприяновны. Она была грубоватой, сварливой учительницей по химии. Если она замечала, что в классе кто-нибудь чем-то выделялся, как например, повзрослевшая Лиза, которая в классе седьмом-восьмом любила «закручивать волосы» (девочки завивали волосы раскалённым гвоздём, либо делали папилютки из лоскутка ткани и бумаги), Зоя Куприяновна, заметив это, тут же вызывала её к доске. За отказ она непременно ехидничала: «Волосы-то не забыла накрутить, а уроки не выучила».

Её боялись не только мы, но и все жители села. То и дело по посёлку раздавался её крик: она ругала взрослых за пьянство, за разгильдяйство, за многое другое! Возможно, она была права. Ведь ей хотелось, чтобы мы становились лучше, чище.

Наш молчаливый на уроках класс любил веселиться в свободное время. Мы целыми днями готовы были играть в лапту, бегать по

троугарам села. После учёбы у нас была группа продлённого дня, где выполнялись домашние задания. Весной мы частенько сбегали с неё.

Однажды мы с девчонками убежали на полянку собирать весенние подснежники и кандыки. И вдруг нас догнала школьный воспитатель Лидия Михайловна, дочь Зои Куприяновны. Мы её не любили: кто-то сказал, что у Лидии Михайловны нет учительского образования, её устроила по блату мать. Так вот эта Лидушка (подпольное прозвище) вместе с ребятами догнала нас, взяла чей-то ремень и стала по очереди всех ставить на пенёк и стегать. Девочки плакали, а я нет. Тогда из-за Лидушки выглянул Славик, на год старше меня, и пропищал: «Лидия Михайловна, а у неё юбка очень широкая, с крупными сборками, ей не больно! Вы поднимите ей юбку и ещё раз отстегайте».

Она прислушалась, и тут же снова меня подняли на позорный пьедестал, задрали юбку и ещё раз отстегали. Тогда я заплакала от обиды. Ведь юбку задрали при всех, а под ней у меня были драные чулки с резинками. Будучи тогда ещё маленькой, понимала, что меня страшно унизили...

ДРУГИХ УЧИТЕЛЕЙ вспоминаю с большой теплотой. Мне нравилось изучать их лица, любоваться ими. Прекрасные, умные, обаятельные!..

Однажды, уже в классе седьмом, приехала к нам выпускница Кемеровского университета Нина Васильевна. Нам её представили на общей линейке и с гордостью сказали, что она закончила университет! Тогда я поняла, что это круче, чем институт, что-то сверх необычное. Она преподавала физику и математику.

Когда эта прекрасная учительница впервые вошла в наш класс на свой первый урок, то мы еле пришли в себя от запаха её духов (позже узнала, что мы вдыхали аромат «Красной Москвы»), от стильного и строгого костюма, от огромных синих сглаз и пышных ресниц.

Я внимательно наблюдала за ней и заметила, что она, поглядев на нас, часто-часто хлопала глазками и молча простояла несколько минут. Видимо, не могла прийти в себя от нашего внешнего вида.

Нина Васильевна продержалась в нашей деревне год, а потом приехал такой же красивый молодой человек в шляпе и увез её. Было жаль. Она нам очень понравилась: никогда не повышала голоса, пыталась словами убедить учиться и говорила с нами, как со взрослыми.

КАК-ТО В ВОСЬМОМ КЛАССЕ мне поручили принять в пионеры октябрят, и я поняла, что недостойна этого, так как знала, что тако-

го поручения удостоиваются лучшие ученики школы. Мне стало досадно, что в своё время не училась, как следует. Тогда впервые разозлилась на себя за пренебрежительное отношение к учёбе.

На следующий день после приёма октябрят в пионеры меня вызвала к доске Зоя Куприяновна и упрекнула за плохой ответ, сказав: «А ей ещё доверили в пионеры принимать»... Я была посрамлена.

После восьмого класса нашу школу закрыли, все разошлись по своим домам.

Летом того же 1979 года мы потеряли маму. Папа через месяц женился и вечно пропадал у своей новой жены. Я поняла, что детство мое закончилось.

СВОЁ ОБРАЗОВАНИЕ я продолжила в Спасской средней школе. Через дорогу был интернат для детей из дальних сёл, где стали жить и мы. В этом же посёлке находился дом отца, иногда бегали к ним, но у его жены были свои дети, мы были лишними.

В новом окружении я решила подтянуться в учёбе и закончила десятилетку с одной (!?) тройкой.

После школы, по совету брата Бориса, который сказал: «Ты же родилась в тайге, поступай в лесной техникум!», я туда и поступила. Училась на техника-лесовода.

Признаюсь, что будучи школьницей, втайне я влюбилась в балет. В 9-ом классе нашла справочник для поступающих и написала письмо со своими наивными вопросами на адрес Алма-атинского балетного училища. Естественно, ответа не получила.

В техникуме я подружилась с девушкой Светланой из Барнаула. Она училась в художественной школе, занималась танцами. Однажды Света собрала из домашней утвари натюрморт и показала мне азы рисунка. Она же повела меня в танцевальный кружок.

Помимо тех увлечений, я записалась в кружок художника-оформителя, много общалась с руководителем этого кружка – Элеонорой Петровной – профессиональным художником-графиком. Она показывала свои графические работы, я восхищалась её рисунками и мечтала научиться так же рисовать!

Уже после техникума пыталась поступить то в художественное училище, то в институт – безуспешно! Но это уже отдельная история...

В своей биографии мне хотелось больше написать о своём детстве.

О моей взрослой жизни вы узнаете из моих стихов и живописных работ.